

Борьба с
терроризмом **1**

ВВЕДЕНИЕ В БОРЬБУ С
ТЕРРОРИЗМОМ

ОБРАЗОВАНИЕ ВО ИМЯ ПРАВОСУДИЯ
СЕРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МОДУЛЕЙ

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

Модуль 1

**ВВЕДЕНИЕ В БОРЬБУ С
ТЕРРОРИЗМОМ**

Организация Объединенных Наций
Вена, 2019

Этот модуль является ресурсом для преподавателей.

Разработанный в рамках инициативы Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) «Образование во имя правосудия» (E4J), являющейся компонентом Глобальной программы по осуществлению Дохинской декларации, данный модуль является частью серии модулей по борьбе с терроризмом E4J и дополняется Учебным пособием. Полный перечень материалов «Образование для правосудия» E4J включает в себя университетские модули по вопросам честности и этики, предупреждения преступности и уголовного правосудия, борьбы с коррупцией, организованной преступности, торговли людьми / незаконного ввоза мигрантов, огнестрельного оружия, киберпреступности, охраны дикой природы, лесных и рыболовных преступлений, а также борьбы с терроризмом.

Все серии университетских модулей «Образование для правосудия» E4J содержат предложения по упражнениям для аудиторных занятий, оценки учащихся, слайды и другие учебные инструменты, которые преподаватели могут адаптировать и включить в существующие курсы и программы обучения в ВУЗах. Модуль предоставляет план для трехчасового занятия, но также может быть использован для более или менее продолжительных занятий.

Все университетские модули «Образование для правосудия» E4J включают в себя результаты научных исследований и дискуссий, и могут содержать информацию, мнения и заявления из различных источников, включая сообщения прессы и независимых экспертов. Ссылки на внешние ресурсы были проверены на момент публикации. Однако, поскольку сторонние веб-сайты могут измениться, пожалуйста свяжитесь с нами, если вы столкнулись с неработающей ссылкой или были перенаправлены на неприемлемый контент. Пожалуйста, также сообщите нам, если вы заметили, что публикация связана с неофициальной версией или веб-сайтом.

Несмотря на то, что были приложены все усилия для обеспечения точного перевода модуля, обратите внимание, что модуль на английском языке является утвержденной версией. Поэтому в случае сомнений, пожалуйста, обратитесь к первоисточнику в английской версии.

Ознакомьтесь с условиями использования Модуля можно на [веб-сайте E4J](#).

© Организация Объединенных Наций, 2019. Все права защищены.

Используемые обозначения и представление материалов в этой публикации не подразумевают выражения какого-либо мнения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или ее органов власти, или относительно разграничения его границ.

Данная публикация не была официально отредактирована.

Содержание

Введение	2
Результаты обучения	2
Основные аспекты.....	3
Краткая история терроризма.....	4
Терроризм в 19-м веке	6
Лига Наций и терроризм.....	7
ООН и терроризм	9
Террористические группы и адресные санкции, определяемые ООН.....	11
Террористическая виктимизация: жертвы терроризма	13
Упражнения и тематические исследования (кейсы)	16
Упражнение 1: Контрольный опрос Kahoot (см. Методическое пособие)	16
Кейс 1: Определение террористических групп.....	17
Возможная структура занятия	18
Основная литература	18
Дополнительная литература.....	19
Оценка учащихся	21
Дополнительные учебные инструменты	22
Библиография	23

Введение

Этот термин не имеет общепринятого международного определения, но широко терроризм можно понимать как метод принуждения посредством применения насилия или угрозы его применения для устрашения и достижения политических или идеологических целей. Таким образом, насилие в контексте терроризма юридически отличается от «обычного» насилия наличием классического террористического «треугольника»: А нападает на Б, чтобы убедить или принудить В изменить свою позицию относительно каких-либо действий или политики, желаемых А. Будучи направленной против невинных жертв, террористическая атака сеет страх, оказывая давление на третьи стороны, такие как государства, с целью изменения их политики или позиций. Различные методы насилия, используемые современными террористами, направлены на гражданских лиц, военные объекты, государственных чиновников и пр.

Сложности противодействия терроризму имеют давнюю историю. Термин «терроризм» появился в годы Великой французской революции для обозначения периода с 5 сентября 1793 года по 27 июля 1794 года, так называемой «эпохи террора», когда Революционное правительство применяло насилие и жестокие меры против вероятных врагов революции. В свою очередь, массовое сопротивление вторжению Наполеона на испанский полуостров привело к появлению новой формы борьбы – «guerrilla» (рус. «партизаны»), (от испанского слова «guerra», означающего «небольшая война» (Friedlander, 1976, стр. 52). Однако использование различными группами терроризма в качестве политического и военного инструмента можно проследить вплоть до древних времен, и, как заметил Falk, «терроризм в различных своих формах также стар, как государство и вооруженная борьба, и в той же мере распространен» (Falk, 1990, стр. 39, 41). В данном модуле, как и во всей серии университетских модулей, основное внимание уделяется насилию и угрозам, исходящим от негосударственных групп, и реагированию на них со стороны международного сообщества, особенно государств, региональных организаций и системы ООН.

Результаты обучения

- Понимание семантической и исторической эволюции термина «терроризм».
- Анализ понятия и правовых принципов, лежащих в основе международных террористических преступлений, как на национальном, так и международном уровне.
- Объяснение преступлений, содержащихся в соглашениях и влекущих за собой обвинение в терроризме как на национальном, так и международном уровне.
- Определение и обсуждение некоторых причин и следствий отсутствия общепринятого определения терроризма на глобальном уровне.
- Знакомство учащихся с междисциплинарными аспектами (напр., виктимология).

Основные аспекты

Цель данного модуля - ознакомить учащихся с ключевыми понятиями и принципами, лежащими в основе соответствующих международных инструментов и организаций, занимающихся вопросами терроризма и противодействия ему, а также военными и военно-техническими мерами («жесткая безопасность»), предпринимаемыми государствами в случае террористического акта. Важно отметить, что глобальный консенсус в отношении согласованного определения термина «терроризм» в юридических целях еще не достигнут (см. Модуль 4). Данный модуль также содержит краткий обзор современного терроризма и его последствий для международного сообщества. В отношении уголовного преследования лиц, виновных в совершении террористических актов, важно понять каким образом, почему и в какой степени отсутствие общепринятого международного юридического определения термина может влиять на эффективное расследование и уголовное преследование по делам, связанным с терроризмом. В целом, уголовное преследование виновных в преступлениях должно полагаться на имеющиеся судебные институты. Решение об обвинении в терроризме будет, помимо прочего, зависеть от юридических и неюридических нюансов. При этом государство, заключившее под стражу лиц, обвиняемых в тяжких, трансграничных, террористических преступлениях, должно принять решение о привлечении к ответственности (как за «террористическое» или обычное преступление) или экстрадиции. При выборе между уголовным преследованием за «террористическое» или обычное преступление также необходимо учитывать более широкие вопросы, такие как различие между вооруженным и невооруженным конфликтом, использование государством контртеррористических сил и возвращение «террористов», осуществивших свою деятельность за рубежом.

Хотя юридическое определение терроризма все еще не согласовано на глобальном уровне, необходимы эффективные превентивные меры по предотвращению терроризма, основанные на нормативно-правовой базе и ключевых принципах верховенства права, надлежащих правовых процедурах и соблюдении прав человека. Уже существует большое количество международных и региональных правовых актов, направленных на противодействие и сдерживание терроризма (см. Модуль 4 и 5), прежде всего, посредством расследования и обвинения лиц, подозреваемых в совершении террористических преступлений, в рамках процессов государственного уголовного правосудия. Несмотря на то, что такие международные и региональные инструменты обеспечивают эффективные механизмы предотвращения, включая меры, направленные на конкретные виды уголовных деяний (например, захват заложников, захват самолетов или кораблей, взрывы и финансирование терроризма), государства по-разному выполняют свои договорные обязательства. В результате, ответные меры уголовного правосудия и результаты расследования и обвинения в совершении уголовного преступления, связанных с терроризмом, могут отличаться в разных государствах.

После терактов 11 сентября 2001 года международная поддержка более эффективных мер реагирования и противодействия терроризму привела к росту международного сотрудничества в вопросах борьбы с терроризмом, и, безусловно, наблюдается повсеместное ужесточение подходов к преследованию «террористов». Это важно в условиях роста экспорта и глобализации терроризма со стороны определенных групп, таких как «Аль-Каида» и Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ, или ДАИШ), без каких-либо признаков снижения. В ответ на это государства принимают целый ряд мер по борьбе с терроризмом, от механизмов уголовного правосудия, которые должны представлять собой обычные меры реагирования, в том числе в качестве мер

предупреждения терроризма, до «более жестких» мер безопасности, сопровождаемых увеличением военных расходов. Хотя, как обсуждается в Модуле 6, военные меры реагирования могут быть абсолютно уместны при соблюдении требуемых правовых критериев, например, пороговый уровень насилия, соответствующий определению вооруженного конфликта, данные меры могут вызывать определенные трудности. Например, в большинстве случаев «террористические» группы не переступают черту, когда применяется международное гуманитарное право (Ассоциация международного права, 2010). Тем не менее, когда государства используют вооруженные силы, возникают предпосылки для возможной необходимости применения международного гуманитарного права (подход, применяемый рядом государств в качестве «политики»), хотя бы в минимальном объеме, при обращении с захваченными негосударственными субъектами насилия и их преследовании, не в последнюю очередь, поскольку международное гуманитарное право требует должных процессуальных прав и гуманного обращения с теми, кто *«лишен боеспособности»*. (см. Модуль 6).

Терроризм и борьба с ним может быть сложным и чувствительным процессом вследствие факторов, рассматриваемых в рамках серии модулей. Рассуждая о будущем терроризма, может быть полезно сначала оглянуться назад, вспомнить современное происхождение криминального феномена, который сегодня называют международным или трансграничным терроризмом.

Вместе с кратким обзором истории терроризма в этом Модуле рассматривается эволюция терроризма в XX веке. Приводимые для иллюстрации примеры взяты из деятельности тех террористических организаций, которые официально были признаны таковыми в рамках системы ООН, а именно «Аль-Каида» и ИГИЛ (Резолюция Совета Безопасности ООН 1267 (1999) и последующие резолюции). Это не означает, что другие «террористические» группы менее важны или что влияние их преступной деятельности менее значимо в районах их действий; скорее, это отражает некоторые юридические и политические сложности, лежащие в основе многих вопросов, рассмотренных в этой серии модулей для ВУЗов, ряд из которых возвращает нас к неспособности международного сообщества согласовать всеобщее определение терроризма. Без этого часто невозможно достичь всеобщего соглашения, например, по отнесению террористических групп к таковым. По тем же причинам, поскольку вопросы «террористических» мотивов могут быть политически чувствительными, обсуждение терроризма во всей серии модулей в основном строится вокруг связанных преступных деяний, а не лежащих в их основе идеологий или других мотивирующих факторов (например, самоопределение), что согласуется с подходом, применяемым международным сообществом и отражено во всеобщих конвенциях по борьбе с терроризмом, рассмотренных в Модуле 4.

Краткая история терроризма

В отношении выбора цели многие тактические средства и методы современного терроризма до недавнего времени совпадали с теми, которые использовались государствами в их вооруженных конфликтах между собой. Еще столетие назад террористические кодексы выбора цели были схожи с профессиональными военными кодексами, различия солдат и чиновников, с одной стороны, и невинных гражданских лиц с другой (например, целенаправленное убийство эрцгерцога Австрии Франца Фердинанда 28 июня 1914 г.) (Walzer, 1977, стр. 197-234). Начиная примерно с середины 19-го века, промышленное развитие вооружений способствовало отсутствию выбора цели в том смысле, что убийство противника стало более неразборчивым и жестоким. Промышленно развитые и неизбирательные средства и методы ведения войны во время

двух «полных войн» 20-го века (например, в широко распространенном пренебрежении принципом различия), привели к появлению тех, кто готов был стать послевоенными революционными террористами и тех, кто также стал бы использовать более новое оружие и формы борьбы, такие как городская партизанская война. В современном мире неизбирательное оружие (например, взрывы большой мощности, оружие массового уничтожения (ОМУ) и т. д.) является распространенным явлением.

С точки зрения террористической стратегии Дэвид Рапопорт представил хороший способ осмыслить эволюцию современного терроризма как средства революционного насилия посредством «волн» терроризма ([‘The Four Waves of Terrorism’](#) «Четыре волны терроризма»). Например, одна волна - это анархическая волна конца 19-го века / начала 20-го века. Другая - «антиколониальная волна» (начиная с политического принципа самоопределения после Первой мировой войны, например, урегулирование по статусу Аландских островов в 1921 году и его насильственной эволюции в законное право после Второй мировой войны, примером чего является гражданская война в Алжире и война во Вьетнаме).

В свою очередь, тактики, применяемые в каждой из этих волн, часто отражали тактики, используемые государствами во время вооруженного конфликта, поскольку демобилизованные солдаты на протяжении столетий возвращались в конце войны домой, полностью обученные тактически использовать силу, в то время как название каждой террористической волны отражало ее доминирующие стратегические цели. Теория волн также отражает нестабильность существования террористических групп, возможность их распада, когда они не могут вдохновлять других на то, чтобы продолжать насильственное сопротивление властям, насильственным образом устранять ту или иную несправедливость или протестовать с применением силы против отсутствия политических уступок. Это также указывает на то, что условия и изменения в социальной и политической культуре очевидным образом влияют на терроризм и его мотивы.

В противоположность этому, Паркер и Ситтер (2016) считают, что насильственные террористические ситуации во всем мире происходят не столько волнами, сколько четырьмя направлениями, мотивирующими террористических акторов к достижению целей: социализм, национализм, религиозный экстремизм или эксклюзионизм. Эти стимулы не являются хронологически последовательными, т.е. одно направление умирает и возникает новое. Скорее они могут существовать параллельно и иногда пересекаться для того, чтобы мотивировать различные террористические движения в соответствии с их потребностями.

Такой академический дискурс дает представление о некоторых обсуждениях и дискуссиях, происходящих при попытке лучше понять или классифицировать «террористические» группы. Однако в этой серии модулей для ВУЗов не рассматривается вопрос о том, какими могут быть мотивационные факторы различных негосударственных акторов. Специалисты, проводящие обучение по этой или любым другим частям этой серии модулей для ВУЗов, могут продолжить изучать эти и другие вопросы в разных контекстах.

Терроризм в 19-м веке

Современный терроризм уходит своими корнями в революционный радикализм 19-го века и, в частности, появление анархистских, анархо-коллективистских и анархо-коммунистических групп. Например, с середины века группы, возглавляемые или находящиеся под влиянием француза Пьера-Джозефа Прудона, автора книги «Что такое собственность?» (1840), немца Карла Маркса и русского Михаила Бакунина, продвигали ту или иную модель оппозиции правящему классу. В течение десятилетия подобные группы появились во всей Западной Европе, на Балканах и в Азии. Немецкий революционер Карл Гейнцен первым озвучил идею применения насилия и даже массового убийства ради политических изменений в своем памфлете 1853 г. «*Mord und Freiheit*», применяя термин «*Freiheitskämpfer*» или «борец за свободу». Поскольку эти ранние радикалы разочаровались, когда не смогли спровоцировать широкомасштабную социальную революцию среди крестьянства с помощью традиционных средств, таких как распространение политических брошюр и листовок, призывающих к восстаниям и беспорядкам, чтобы оказать давление на правительство, они обратились к насилию в надежде на политическую реформу и ослабление государственной власти. Таким образом, «пропаганда действиями», как стратегия политической деятельности, стала центральной в политике европейского анархизма (см., например, Fleming, 1980).

Основным насильственным методом распространения террора, используемого практически всеми такими группами в то время, было преднамеренное убийство, что представляло собой не только серьезный личный риск, но и вероятность политического мученичества. Убийство русского царя Александра II в 1881 г. русской революционной группой «Народная воля» символизирует этот период терроризма. Преднамеренное убийство можно было отличить от обычных уголовных преступлений, поскольку выбор целью официальных государственных лиц означал глубокую личную приверженность «делу, которое могло вдохновить других и олицетворяло революционный «кодекс чести», щадящий ни в чем не повинных граждан». Возможно это сделало террористическое убийство более гуманной формой насилия, чем гражданская война, поскольку целенаправленное нападение террориста наносит удар только по государственным «угнетателям» и помогает сохранить низкий уровень смертности от терроризма, что также является преимуществом «пропаганды делом» (Mogozov, 1880, стр. 106).

Научно-технический прогресс середины и конца 19-го века также сыграл ключевую роль в росте терроризма. Доступность динамита позволила террористам совершать и распространять свои смертоносные действия более широко, как и «пропаганду делом». Развитие технологий массовых коммуникаций позволило быстро передавать новости, знания, идеи и события на большие расстояния, открывая эру массовых коммуникаций и миграции, что было ключевым для вдохновения групп в других местах. Изобретение телеграфа и парового двигателя позволило газетам получать сообщения практически мгновенно после передачи из любой точки мира и предоставлять миллионам людей доступ к информации о событиях почти сразу после того, как они произошли. Новые технологии, а также расширение доступа к образовательным возможностям способствовали миграции сельскохозяйственных рабочих и ремесленников в городские центры. Развитие коммерческих железных дорог и трансатлантических пароходов помогало группам путешествовать на большие расстояния и распространять свои политические взгляды далеко за пределами своих стран.

Хотя убийство Александра II вызвало волну анархистского насилия, которое сотрясало Европу и Америку в течение следующих десятилетий (Zimmer, 2009), русские повстанцы

поощряли и обучали различные группы мятежников, появляющихся в разных местах, даже когда их политические цели были совершенно разными. В то время как анархисты совершали взрывы в Германии, Франции, Испании, Италии и других странах, что временами превращалось в циклы возмездия между анархистами и властями (Zimmer, 2009), западные государства пытались остановить эту тенденцию посредством таких правовых механизмов, как иммиграционный контроль и договоры об экстрадиции, направленные против «нежелательных иностранцев». Они включали протокол о мерах против анархистского движения, подписанный от имени девяти государств в марте 1904 г., и административную конвенцию по обмену информацией о людях, опасных для общества, подписанную в октябре 1905 г. (Hudson, 1941, стр. 862). К середине 19-го века многие договоры об экстрадиции освобождали беглецов, обвиняемых в «политических преступлениях» или «преступлениях политического характера» от экстрадиции (Hannay, 1988, стр. 116). Только консервативные режимы Пруссии, России, Австрии и Неаполя продолжали выступать за то, что идеологически схожие страны должны использовать свои законы об экстрадиции для того, чтобы помочь подавить революционеров (Pyle, 1988, стр. 181-182).

28 июня 1914 г. Гаврило Принцип, молодой сербский националист и сторонник подпольной организации «Черная рука», который хотел добиться появления Великой Сербии, убил эрцгерцога Австрии и предполагаемого наследника Франца Фердинанда и его жену в Сараево. Это событие вызвало «эффект домино» оборонительных союзов, сформировавшихся в довоенные годы, привело к «тотальной» Первой мировой войне и бесповоротно изменило лицо терроризма на столетия вперед. По окончании войны и возвращению обученных солдат в их дома и семьи тактика и методы, познанные в ходе «тотальной войны» с 1914 по 1918 годы, продолжали преследовать государства. Поскольку революционная политика на местном уровне продолжала кипеть в течение всего 19-го века, сохраняющаяся возможность и использование исключения «политических преступлений» в качестве основания для возможного отказа государствами запросов других государств на выдачу лиц, подозреваемых в совершении насильственных преступлений из различных идеологических, религиозных или политических мотивов, подчеркнули сложности, связанные с проведением разграничения между преступными деяниями терроризма и преступными деяниями в целом. Эти проблемы дефиниций сохраняются и по сей день.

Лига Наций и терроризм

Версальский мирный договор 1919 года, завершивший Первую мировую войну между Германией и союзными державами, стал предпосылкой для следующего этапа в развитии современного терроризма. Пакт Лиги Наций перераспределил бывшие немецкие и турецкие колонии и другие зависимые территории через систему мандатов, которая была разработана для обеспечения «мягкой формы международной ответственности по [их] управлению» (Thullen, 1964, стр. 9). В иных случаях были также предусмотрены стандарты, призванные содействовать интеграции меньшинств в новые государства, созданные после 1919 г., такие как Югославия, и были предназначены для оказания помощи в создании мира, одновременно сдерживая трансграничные альянсы (Veatch, 1983/2010, стр. 369). Тем не менее защищенные общие права, такие как гражданство, свобода вероисповедания, занятость и идентичность, а также идеалы прав в рамках системы мандатов и политики меньшинств не распространялись на народы и меньшинства в государствах-победителях, которые в последующем выступали гарантами мира и безопасности, хотя победители также предположительно отвергли понятие новых колониальных приобретений, поскольку они отказались от присоединения бывших колоний и нерегулируемых территорий. В целом система взаимной защиты была

разработана для того, чтобы в случае конфликта вопросы безопасности ставились выше вопросов верховенства права и международного права.

В 20-м веке связь между современным терроризмом и идеалом самоопределения возникла в рамках конкурирующих идеологий коммунистической/социалистической теории (Ленин, 1914/1972) и идеологий, которые отражены в Пакте Лиги Наций, в котором нет прямой ссылки на принцип самоопределения. В отличие от послевоенного революционного правительства советской России, отказавшегося от всех предыдущих долгов и обязательств, принятых в царское время, администрация Президента США Вудро Вильсона была ярким сторонником контекста «народности» в принципе самоопределения (Morgan, 1980, стр. 355-359). Соответственно он не оспаривал это понятие самоопределения на конференции в Версале, где была согласована окончательная версия Пакта. В пункт VI проекта Пакта Лиги Наций Уилсона-Миллера было включено следующее:

Лига Наций обязывает все новые государства принять на себя обязательство в качестве условия, предшествующего их признанию в качестве независимых или автономных государств, обеспечивать всем расовым или национальным меньшинствам в пределах их юрисдикции такое же обращение и безопасность, как по закону, так и по факту, которое обеспечивается расовому или национальному большинству их народа (Fawcett, 1979, стр. 7).

Тем не менее, такие вопросы в эпоху Лиги Наций представляли лишь некоторые из факторов, которые следует учитывать при образовании новых государств, будь то в контексте действующих механизмов обретения государственности или в качестве самопомощи. Когда проблемы, связанные с самоопределением, возникли на ранней стадии существования Лиги наций во время конфликта в Аландских островах в 1920 г. между Швецией и Финляндией, Совет Лиги назначил Международную комиссию юристов для разрешения этого вопроса. Комиссия заключила, что простое признание принципа самоопределения, как это изложено в ряде договоров, не создало позитивного примера верховенства права (Wilson, 1988, стр. 57). Отчасти это было вызвано тем, что Комитет опасался создать прецедент по отделению островов, тем самым способствуя анархии. Однако последующий Комитет по расследованию уточнил этот результат, придя к выводу, что, если Финляндия не может предоставить островитянам определенные гарантии, они действительно имеют право по международному праву на плебисцит, что может привести к отделению от Финляндии. В настоящее время решение по Аландским островам считается прецедентом успешного урегулирования международных споров (O'Brien, 2012).

В то время череда террористических убийств продолжилась. К 1930-м годам было заключено несколько двусторонних соглашений, направленных на пресечение терроризма, и многие договора об экстрадиции содержали положения, исключающие покушения на глав государств из списка политических преступлений (например, Конвенция о выдаче 1933 года, статья 3 (е)). Убийство короля Югославии Александра I и Министра иностранных дел Франции в Марселе 9 октября 1934 г. привело к тому, что просьба о выдаче обвиняемых была отклонена Италией на том основании, что преступления были политическими (Chadwick, 1996). В ответ на это, Совет Лиги создал Комитет экспертов по разработке конвенции о предупреждении терроризма для создания Международного уголовного суда, который обладал бы юрисдикцией по делам, определенным как акты терроризма, которые страны-члены должны были криминализовать в соответствии со своим законом. В Статье 1 (2) Конвенции о предупреждении терроризма «террористические акты» определены как «преступные действия, направленные против государства» (1937 г.). Такие действия должны быть

«нацелены или рассчитаны на то, чтобы вызвать чувство страха у определенных лиц, или группы лиц, или у широкой общественности». В Конвенции не говорится о цели формирования страха (Chadwick, 1996).

Тем не менее государственные и региональные традиции предоставления убежища в сочетании с выраженным национальным расположением делали проблематичной дифференциацию между «террористическими» и «политическими» преступлениями, в то время как предоставление убежища оставалось возможным, как сейчас. Более того, Конвенция о предупреждении терроризма 1937 г., как творение своего времени, не имела под собой нормы «международного» уголовного права, как это отражено в статье 19, в которой предусматривается следующее:

Настоящая Конвенция не влияет на принцип, согласно которому, в случае если преступнику не разрешается избежать наказания вследствие упущения в уголовном праве, характеристика различных преступлений, рассматриваемых в настоящей Конвенции, вынесение приговоров, методы уголовного преследования и судебный процесс, а также правила в отношении смягчающих обстоятельств, помилования и амнистии определяются в каждой стране положениями внутреннего законодательства.

Таким образом, закон, применяемый к любому уголовному преследованию за деяния, признанные преступлениями в соответствии с Конвенцией, должен иметь отношение к соответствующему государству и, следовательно, преследованию. К сожалению, вскоре после этого разразилась Вторая мировая война, и конвенция не вступила в силу.

ООН и терроризм

Главным вопросом в обсуждениях терроризма, дискуссиях и политической чувствительности в эру Организации Объединенных Наций после 1945 года стали проблемы террористического насилия со стороны так называемых «борцов за освобождение», претендующих на совершение «прямых действий» в борьбе за право народов на самоопределение, которое, как они утверждают, закреплено в Уставе ООН (Сборник международных договоров, том 1, № XVI), в Статьях 1 (2) и 55 (см. также Атлантическую хартию 1941 года). В Уставе обязательство ООН «развивать дружеские отношения» между народами (а не «государствами») основывалось на принципах равных прав и самоопределения «народов». Вскоре возникли трудности и споры в отношении практической реализации равных прав и самоопределения, в том числе в тех случаях, когда национально-освободительная повестка простирается далеко за пределы узких границ мандата Лиги наций и защиты меньшинств. Как следствие возникли и с тех пор остались противоречивые толкования соответствующих принципов Устава и положений, касающихся самоопределения.

Этот модуль, как и вся серия модулей для ВУЗов, не пытается оценить правильность или иной смысл правовых или политических позиций. Скорее он направлен на непредвзятое освещение правовых и междисциплинарных подходов к терроризму и борьбе с ним посредством обращения к обсуждениям с целью помочь учащимся лучше понять нынешние подходы к явлению терроризма и текущие ответы на него со стороны государств и межправительственных организаций, включая систему Организации Объединенных Наций. По таким вопросам, как самоопределение, в том числе постоянный вопрос разницы между «борцом за свободу и террористом», важно понимать, что эти вопросы были, являются и, вероятно, останутся спорными, и как следствие, международное сообщество не может прийти к общепринятому определению терроризма с вытекающими из этого правотворческими последствиями.

В любом случае многие террористические акты, произошедшие после 1945 года, вообще не были связаны со спорами о самоопределении. Установленные мотивы терроризма касались всего спектра человеческого недовольства, в том числе в экономической, политической, социальной, психологической, идеологической и других сферах, с краткосрочными или долгосрочными целями, как объективными, так и субъективными, становясь предметом насилия (Whittaker, 2001, стр. 33). Международное сообщество, в частности ученые, стремились обозначить террористические группы в соответствии с их мотивационными целями или идеологиями, а не преступными действиями, в чем заключается подход в рамках системы ООН. Следовательно, учащиеся могут встретить такие категории групп как «революционные», «сепаратистские», «этноцентрические», «националистические» или «религиозные».

Что касается использования насилия и силы террористами, то уровень их подготовки сильно различается от имеющих военную подготовку и опыт до тех, кого Whittaker называл «разовыми» оперативниками, неподготовленных и отправляемых в качестве смертников. Использование ими насилия также иллюстрирует медленную эволюцию террористических тактик и стратегий, включая традиционное убийство, взрывы, поджоги, захват заложников, угон самолетов, похищение людей, саботаж, искажение фактов и взрывы смертниками (см., например, Глобальный индекс терроризма [Global Terrorism Index 2017](#)). Недавние тактики имеют нетрадиционные формы терроризма, включающие ядерный терроризм (грязная бомба, атака ядерного реактора и т.д.), «высокотехнологичный» терроризм с использованием кибератак (Fidler, 2016), экологический терроризм (угроза разрушения окружающей среды) и террористические атаки с целью уничтожения культурного наследия, совершаемые ИГИЛ (см., например, Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств, 1999 год, статья 1).

Особый интерес представляет тот факт, что такие вопросы и дискуссии определили подход международного сообщества к всемирным конвенциям по борьбе с терроризмом, которые исходят из того, что террористические акты являются серьезными международными преступлениями, независимо от мотивации. Выражаясь в общих чертах, антитеррористические инструменты были приняты в три этапа (см. Модуль 4). Начиная с законодательства по безопасности авиации и судоходства ранние инструменты были разработаны в период с 1960-х годов по начало 1990-х годов и касались конкретных видов террористических преступлений. Примечательно, что действия, совершенные во время «освободительных конфликтов», были явным образом исключены из террористических преступлений, например, в Конвенции о заложниках 1979 года (Сборник договоров, том 1316, стр. 205, принята 17 декабря 1979 г., вступила в силу 3 июня 1983 г.), поскольку такие действия должны рассматриваться в рамках других областей международного права, таких как международное гуманитарное право. Последний этап отражает расширение, пост-категоризацию террористических групп и «причин», включение таких групп, как Талибан, Аль-Каида и ИГИЛ, и, таким образом, отражает угрозу современного терроризма для международного сообщества. На этом этапе были разработаны антитеррористические инструменты, касающиеся новых преступлений, связанных с террористическими взрывами (1997 год, Сборник договоров, том 2149, стр. 256), финансированием терроризма (1999 год, Сборник договоров, том 2178, стр. 197) и ядерным терроризмом (2005 год, Сборник договоров, том 2445, стр. 89).

В Модулях 4 и 5 более подробно будет рассмотрена эволюция и сущность антитеррористических инструментов Организации Объединенных Наций в эру принятия Устава.

Террористические группы и адресные санкции, определяемые ООН

Этот раздел знакомит учащихся с процессом признания ООН террористических групп и режимом адресных санкций в отношении Талибана, Аль-Каиды, ИГИЛ и аффилированных лиц и групп в соответствии с Резолюцией 1267 Совета Безопасности ООН; цель модуля заключается в содействии обсуждению сильных и слабых сторон, а также проблем, связанных с подходом ООН к противодействию терроризму в рамках этой и последующих резолюций (см. также Модуль 3).

Существуют две основные негосударственные группы, а именно Талибан и Аль-Каида, которые Совет безопасности ООН квалифицировал как террористические организации. В 1999 году после отказа Талибана выдать Усаму бен Ладена и его единомышленников за роль, которую они сыграли в нападениях на посольства США в Кении и Танзании в августе 1998 г., в соответствии с Резолюцией 1267 (1999) Совет безопасности признал террористической организацией Талибан и связанных с ним лиц и организаций посредством запретов на поездки и эмбарго на поставки оружия, а также санкций в отношении финансовых и имущественных активов. В 2011 году в соответствии с Резолюцией Совета безопасности 1989 г. (2011) Совет разделил так называемый «Сводный перечень» лиц и организаций, связанных с Талибаном и Аль-Каидой, на два отдельных списка: «Аль-Каида или Список 1988 года» и Список Талибан, который включает лица и организации, связанные с Талибаном, которые, как считается, представляют постоянную угрозу миру и безопасности Афганистана. И наконец, в соответствии с Резолюцией 2253 (2015) Совета безопасности «Список Аль-Каиды» был дополнительно расширен и теперь включает ИГИЛ и Фронт «Ан-Нусра» (ANF).

Имеется дополнительная информация о группах и организациях, определенных Советом безопасности ООН как террористические, их эволюции, целях, идеологиях и тактических подходах (см. Список литературы). Кроме того, в периодических докладах Генеральному секретарю Совет безопасности сообщил об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) представляет международному миру и безопасности. В докладе Совету от 29 января 2018 г. (S/2018/14) Группа по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, которая оказывает поддержку Комитету, учрежденному в соответствии с Резолюцией СБ ООН 1267 (1999), заявляет следующее:

В Ираке и Сирийской Арабской Республике Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) потеряло контроль над всеми остальными городскими районами. Группа продолжает трансформироваться в террористическую организацию с горизонтальной иерархией, в которой ячейки и филиалы все чаще действуют автономно. Глобальная борьба против ИГИЛ должна сосредоточиться на угрозе, которую представляют менее видимые международные сети. Объединение «разочарованных путешественников», лиц, сочувствующих ИГИЛ, вернувшихся и перемещающихся боевиков создает повышенный риск безопасности государствам-членам. Попытки ИГИЛ вливать деньги в легальную экономику в сочетании с ростом притока средств на реконструкцию освобожденных районов потребуют скорректированных встречных мер.

Глобальная сеть «Аль-Каиды» остается устойчивой и в нескольких регионах представляет большую угрозу, чем ИГИЛ. Несмотря на военное давление, «Аль-Каида» на Аравийском полуострове (AQAP) все чаще выступает узлом связи для «Аль-Каиды» в целом. В Северной и Западной Африке аффилированные организации «Аль-Каиды» и группы, лояльные к ИГИЛ, усилили свою деятельность; в то время как в Восточной Африке «Аль-

Шабааб» сохранила свое господство над группами ИГИЛ. В Южной Азии, связанные с «Аль-Каидой» организации и ИГИЛ пользуются изменчивой ситуацией в Афганистане. Несмотря на то, что освобождение города Марави филиппинскими властями было успехом с военной точки зрения, то, что город, хоть и временно, стал бастионом для организаций, связанных с ИГИЛ, стало пропагандистской победой с потенциальными долгосрочными последствиями для региона.

Глобальный поток иностранных боевиков продолжает замедляться, и сообщалось лишь об отдельных случаях. Однако заметное сокращение территориального контроля ИГИЛ в Ираке и Сирийской Арабской Республике поставит многих иностранных боевиков-террористов перед выбором: присоединиться к другим группам или покинуть регион. С принятием Резолюции 2396 (2017) Совет безопасности сделал значительный шаг на пути к решению проблем, связанных с вернувшимися и перемещающимися боевиками.

Выполняя свои обязательства по режимам санкций, введенных Советом безопасности в соответствии с Резолюцией 1267 (1999) против «Аль-Каиды», ИГИЛ и других аффилированных групп, многие государства создали ряд внутренних механизмов для приведения в исполнение списков ООН по лицам, группам и организациям. Зачастую такие механизмы включают принятие списков на национальном уровне или использование национальных списков лиц или организаций.

Кроме того в противодействии финансированию терроризма государства обязаны в соответствии с Резолюцией 1373 (2001) Совета безопасности, пунктом 1 (с) постановляющей части безотлагательно блокировать средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц, совершающих или пытающихся совершить террористические акты, участвующих в совершении террористических актов, или содействующих этому; или организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также и лиц, и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц и организаций, и запрещать своим гражданам или любым лицам и организациям на своей территории предоставлять любые средства, финансовые активы или экономические ресурсы, финансовые или иные соответствующие услуги, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, совершающих или пытающихся совершить террористические акты (пункт 1 (d) постановляющей части). В результате многие государства создали на национальном уровне правовые и институциональные рамки для определения физических лиц или групп, которые их государства считают террористами, и которые входят в перечень ООН, или определяются в качестве таковых для национальных или многосторонних (например, ЕС) целей. Использование таких механизмов у государств может вызвать ряд проблем по их реализации, и обеспокоенность, связанную с правами человека. В качестве примера можно привести знаковое дело *C-402/05 P и C-415/05, P. Kadi и Международный фонд Al Barakaat против Совета и Комиссии* [2008] ECR I-6351.

Террористическая виктимизация: жертвы терроризма

Виктимизацию можно понимать как выбор кого-либо для жестокого или несправедливого обращения. В этом разделе рассматривается террористическая виктимизация, например, факторы, играющие роль при определении жертв террористической атаки.

Террористические атаки могут быть в целом разделены на две категории: целенаправленные и неизбирательные. Исторически сложилось так, что терроризм в основном подпадал под первую категорию. Как отмечалось ранее, террористические атаки использовались в качестве инструмента для политически мотивированных действий, направленных против конкретных членов правительств или политических фигур для достижения определенной политической цели (Schmid, 2006, стр. 3, Turkovic, 2006, стр. 55). Такие нападения предполагали некоторый элемент участия в конфликте, хоть и косвенного, между террористической группой и противником. Однако современный терроризм характеризуется все большей частотой и масштабами неизбирательного насилия. Жертвы террористических нападений обычно не выбираются специально по их индивидуальным особенностям, а являются «случайными» жертвами, которые оказываются не в том месте, не в то время. Эти жертвы служат инструментом, предназначенным для влияния на других субъектов (Ђераговић, 2006, стр. 20). Частично этот элемент непредсказуемости и случайности выбора жертвы дает терроризму его современную силу - «силу, многократно усиливаемую демонстрацией и повтором изображения актов виктимизации в СМИ» (Schmid, 2006, стр. 9). Эта эволюция фокуса терроризма отражает переход от индивидуального террора к массовым убийствам и психологической войне (Schmid, 2006, стр. 9). В этом смысле терроризм пытается принудить население и / или его руководство, сея страх оказаться жертвой (Ђераговић, 2006, стр. 21).

*Основные (прямые) жертвы террористических актов или кампаний**

- Те, кого убивают террористы-похитители, захватчики заложников, вооруженные преступники или террористы, устраивающие взрывы;
- Те, кто получают ранения, увечья или подвергаются психологическим пыткам террористов, но в конечном итоге их отпускают или освобождают;
- Те, кто получают ранения или умирают в ходе контртеррористической спасательной операции в руках террористов или вооруженного первого эшелона реагирования;
- Те, кто пострадал морально или физически или погиб (самоубийство) в результате того, что был задействован или стал непосредственным свидетелем одного или нескольких террористических событий.

*Alex Schmid (2006). "Magnitudes and Focus of Terrorist Victimization." In Uwe Ewald and Ksenija Turkovic, eds. *Large-Scale Victimization as a Potential Source of Terrorist Activities*, IOS Press. P. 4. («Масштабы и основной упор террористической виктимизации»)

Хотя теракты действительно являются серьезными преступлениями, важно помнить, что террористическая виктимизация отличается от уголовной тем, что первая имеет неотъемлемый для нее политический аспект. Этот политический аспект может также включать идеологические или религиозные цели. Например, непосредственная жертва теракта редко является конечной целью насилия. Скорее выбор мишени служит усилителем для передачи более широкого послания и воздействия на более широкую аудиторию, например, государству, являющемуся противником террористической организации (Schmid, 2006, стр. 4). Важная цель терроризма заключается в том, чтобы массовая аудитория обратила внимание на передаваемые сообщения и испытывала чувство ужаса и паники в результате теракта. Страх, создающийся у отдельных людей, еще больше усиливается процессом отождествления с жертвой, что «на его месте мог быть я» (Schmid, 2006, стр. 7). Таким образом, жертвы терактов служат символами общих групповых или классовых характеристик, которые, в свою очередь, образуют единую основу для их отбора в качестве жертв (Šeparović, 2006, стр. 21). В этом смысле жертвы терроризма выступают в качестве инструментальных мишеней.

Используя насилие или угрозу насилия, более широкие аудитории оказываются в состоянии хронического страха или ужаса, что оказывает негативное физическое, психологическое, социальное, политическое и экономическое влияние на общество в целом (Šeparović, 2006, стр. 21; Schmid, 2006, стр. 5). Этот косвенный метод борьбы может иметь несколько целей: дезориентировать и/или заставить свои мишени следовать своим требованиям (например, государство); мобилизовать третью сторону к действиям; или всколыхнуть общество и общественное мнение для того, чтобы изменить отношение или поведение, которые служат интересам преступников. Успешная виктимизация слоев общества сигнализирует общественности, как в стране, так и за рубежом, о том, что государство не может эффективно их защитить, и это чувство незащищенности может быть далее использовано насильственными экстремистскими организациями (см. Модуль 2) (Schmid, 2006, стр. 4). Способность террористических организаций манипулировать широкой аудиторией путем публичной виктимизации нескольких косвенных жертв в медиа среде превратила терроризм из маргинального режима протеста, шантажа и запугивания в основную форму психологической войны.

*Десять террористических аудиторий **

1. Противник (-и) террористической организации (обычно одно или несколько государств);
2. Население/общество противника (-ов);
3. Прямые выбираемые жертвы и их семьи и друзья;
4. Другие лица, имеющие основания опасаться, что они могут стать следующей мишенью;
5. «Нейтральный» дистанцированный круг лиц;
6. Поддерживающие сторонники террористической организации;
7. Потенциальные симпатизирующие круги отечественной и зарубежной общественности;
8. Другие террористические группы, конкурирующие за влияние;
9. Террорист и его организация;
10. Медиа

**Alex Schmid (2006). "Magnitudes and Focus of Terrorist Victimization." In Uwe Ewald and Ksenija Turkovic, eds. *Large-Scale Victimization as a Potential Source of Terrorist Activities*, IOS Press. P. 4. («Масштабы и основной упор террористической виктимизации»)*

Упражнения и тематические исследования (кейсы)

Данный раздел содержит предложения по аудиторным или подготовительным учебным упражнениям, в то время как задание для выполнения после занятия, предназначенное для оценки понимания учащихся, предложено в отдельном разделе.

Упражнения в этом разделе лучше всего подходят для групп до 50 учащихся, которых можно легко разделить на небольшие группы для обсуждения примеров или проведения работы перед тем, как представители группы представят ее результаты всей аудитории. Несмотря на то, что можно иметь такую же структуру из небольших групп в большой аудитории, состоящей из нескольких сотен учащихся, это более сложно, и лектор, возможно, пожелает адаптировать методы работы с группами, обеспечив достаточное время для групповых обсуждений и представления обратной связи всей аудитории. Самый простой способ провести обсуждения в небольших группах в большой аудитории - попросить учащихся обсудить вопросы с четырьмя или пятью учащимися, сидящими рядом с ними. Учитывая ограничение по времени, не все группы смогут предоставить обратную связь в каждом упражнении. Лектору рекомендуется делать произвольный выбор и пытаться предоставить возможность обратной связи хотя бы один раз за время занятия всем группам. Если время позволяет, лектор может провести общее обсуждение после представления каждой группой обратной связи.

Все упражнения в этом разделе подходят как для студентов магистратуры, так и бакалавриата. Однако, поскольку знания учащихся перед началом обучения и то, насколько они сталкивались с ними, сильно отличаются, решения о целесообразности упражнений должны основываться на их образовательном и социальном контексте.

Упражнение 1: Контрольный опрос Kahoot (см. Методическое пособие)

Отличным способом взаимодействия с учащимися в интерактивном режиме является контрольный опрос. Он может быть проведен в онлайн режиме (напр. с использованием платформы Kahoot), либо устно в аудитории, если такая технология недоступна. Существуют различные способы использования опроса, такие как проверка общих знаний о терроризме в начале серии модулей для ВУЗов и/или в конце в качестве средства консолидации модульного обучения. Вопросы, подробно описанные здесь, иллюстрируют типы общих знаний, по которым они могут быть заданы, и такие вопросы могут быть легко адаптированы к вашим, например, национальным или региональным особенностям. Правильные ответы выделены жирным шрифтом.

1. Когда впервые был использован термин «терроризм»?
 - a. Во время французской революции 1794 г.
 - b. В Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него 1937 г.
 - c. В Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.
 - d. Во время Иранской революции 1979 г.

2. Что из нижеследующего является формой терроризма?
 - a. **Захват заложников**
 - b. Организованная преступность
 - c. Экстремизм
 - d. Незаконный оборот

3. Сколько террористических актов было зарегистрировано в мире в течение 2016 г.?*
 - a. 6 771
 - b. 9 351
 - c. **11 072**
 - d. 13 463

4. Сколько составили потери по страхованию имущества в связи с терактами 11 сентября?*"ol style="list-style-type: none;">- a. 13 млрд. долл.
- b. 19 млрд. долл.
- c. **25 млрд. долл.**
- d. Свыше 32 млрд. долл.

* Статистика по терактам доступна на веб-сайтах, таких как www.statista.com, которые являются источником для приведенных здесь статистических данных.

Кейс 1: Определение террористических групп

Упражнение, которое можно было бы использовать для облегчения групповых обсуждений в аудитории или оценки (например, по аналогии с тем, как это было сделано для кейсов), может заключаться в обсуждении или разработке кейсов по группам, которые могут рассматриваться в качестве террористических, действующих в стране или регионе. Группы могут взять на себя роль членов Комитета Совета безопасности ООН 1267, которым поручено оценить возможное принятие или признание таких групп в качестве террористических в соответствии с Резолюцией СБ ООН 1267 (1999) и соответствующими резолюциями. При этом они могут рассмотреть факторы, имеющие отношение к таким оценкам, достаточность доказательств, необходимых для признания организации террористической, и применимые правовые и процедурные гарантии, доступные лицам или группам, которые рассматриваются для признания в качестве террористов.

Возможная структура занятия

Этот раздел содержит рекомендации по последовательности обучения и времени, необходимого для достижения результатов обучения путем проведения трехчасового занятия. Лектор может пожелать пропустить или сократить некоторые элементы, чтобы выделить больше времени на другие элементы, включая введение, комментарии, помогающие завязать разговор, заключение или короткие перерывы. Структура также может быть адаптирована для более коротких или длительных занятий, учитывая, что продолжительность занятий в разных странах отличается.

- 0-10 мин Краткое представление вопроса, результатов обучения по итогам сессии и ее структуры.
- 10-30 мин Проведение упражнения 1: опрос Kahoot.
- 30-50 мин Обсуждение введения в специфику глобального терроризма /краткой истории терроризма /терроризма в 19-м веке.
- 50-55 мин Перерыв.
- 55-100 мин Лига наций/ООН и терроризм.
- 100-105 мин Перерыв.
- 105-145 мин Обсуждение кейсов: террористические группы, признанные ООН, и санкции.
- 145-170 мин Обсуждение террористической виктимизации
- 170-180 мин В случае необходимости представление вопросов оценки с соответствующими критериями оценивания.

Основная литература

В данном разделе представлен список материалов, имеющих в свободном доступе, которые лектор может попросить учащихся прочитать перед проведением занятия по данному модулю.

Терроризм

- Rapoport, David C. (2004). "The four waves of modern terrorism." In *Attacking terrorism: elements of a grand strategy*, Audrey Kurth Cronin, James M. Ludes, eds. Washington, D.C.: Georgetown University Press («Четыре волны современного терроризма»)
- Parker, Tom, and Nick Sitter (2016). "[The Four Horsemen of Terrorism: It's Not Waves, It's Strains.](#)" *Terrorism and Political Violence*, vol. 28, issue 2, pp. 197-216 («Четыре всадника терроризма: это не волны, это натяжения»)
- Lorca, Arnulf B. (2014). "[Petitioning the International: A 'Pre-history' of Self-Determination.](#)" *European Journal of International Law*, vol. 25, no. 2, pp. 497-523 («Ходатайство к международному сообществу: «предыстория» самоопределения»)
- Laing, Edward A. (1993). "[The Norm of Self-Determination, 1941–1991.](#)" *California Western International Law Journal*, vol. 22, no. 2, pp. 209-308 («Норма самоопределения, 1941-1991 годы»)
- Wright, Quincy (1960). "[Subversive Intervention.](#)" *American Journal of International Law*, vol. 54, no. 3, pp. 521-535 («Подрывное вмешательство»)
- Wood, Graeme (2015). "[What ISIS Really Wants.](#)" *The Atlantic*, March 2015 («Чего на самом деле хочет ИГИЛ»)

- Gary LaFree, Nancy A. Morris, and Laura Dugan (2010). "[Cross-national patterns of terrorism: comparing trajectories for total, attributed and fatal attacks, 1970 – 2006.](#)" *British Journal of Criminology*, vol. 50, pp. 622-649 («Трансграничные модели терроризма: сравнение траекторий общих, приписываемых и смертельных нападений, 1970-2006 годы»)
- Reliefweb (2017). [Global Terrorism Index 2017](#) («Глобальный индекс терроризма за 2017 год»)

Террористическая виктимизация

- Schmid, Alex (2006). "[Magnitudes and Focus of Terrorist Victimization.](#)" In *Large-Scale Victimization as a Potential Source of Terrorist Activities*, Uwe Ewald and Ksenija Turkovic, eds.. Amsterdam: IOS Press («Масштабы и основное внимание террористической виктимизации»)
- Turkovic, Ksenija (2006). "[What Victimology has to Offer in the Fight Against Terrorism.](#)" In *Large-Scale Victimization as a Potential Source of Terrorist Activities*, Uwe Ewald and Ksenija Turkovic, eds. Amsterdam: IOS Press («Что виктимология может предложить в борьбе с терроризмом»)
- Šeparovic, Zvonimir P. (2006). "[International Terrorism: Large-Scale Victimization' Terrorism.](#)" In *Large-Scale Victimization as a Potential Source of Terrorist Activities*, Uwe Ewald and Ksenija Turkovic, eds. Amsterdam: IOS Press («Международный терроризм: терроризм масштабной виктимизации»)
- Erez, Edna (2006). "[Protracted War, Terrorism and Mass Victimization: Exploring Victimological/Criminological Concepts and Theories to Address Victimization in Israel.](#)" In *Large-Scale Victimization as a Potential Source of Terrorist Activities*, Uwe Ewald and Ksenija Turkovic, eds. Amsterdam: IOS Press («Затянувшаяся война, терроризм и массовая виктимизация: изучение виктимологических/криминологических понятий и теорий для рассмотрения виктимизации в Израиле»)

Дополнительная литература

Данный раздел содержит рекомендуемую дополнительную литературу для учащихся, заинтересованных в изучении вопроса (-ов) Модуля более подробно, а также для лекторов, обучающихся по Модулю.

Терроризм

- Jensen, Richard (2004). "[Daggers, Rifles and Dynamite: Anarchist Terrorism in Nineteenth Century Europe.](#)" *Terrorism and Political Violence*, vol. 16, issue 1, pp. 116-153 («Кинжалы, винтовки и динамит: анархистский терроризм в Европе 19-го века»)
- Ness, Immanuel, ed. (2009). [The International Encyclopedia of Revolution and Protest](#) («Международная энциклопедия революции и протестов»)
- Walzer, Michael (1977). *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. Basic Books («Справедливые и несправедливые войны: нравоучение с историческими иллюстрациями»)
- Friedlander, Robert A. (1976). "The Origins of International Terrorism: A Micro Legal-Historical Perspective." *Israel Yearbook of Human Rights*, vol. 6, p. 49 («Происхождение международного терроризма: микроправовая и историческая перспектива»)

- Falk, Richard A. (1990). "Revolutionaries and Functionaries: The Dual Face of Terrorism." In *International Terrorism: Characteristics, Causes, Controls*, Charles W. Kegley, Jr., ed. St. Martin's Press («Революционеры и функционеры: двойственное лицо терроризма»).
- Veatch, Richard (1983). "Minorities and the League." In *The League of Nations in Retrospect: Proceedings of the Symposium*. De Gruyter (reprinted 2010) («Меньшинства и Лига наций»).
- Hannay, William M. (1988). "The Legislative Approach to the Political Offense Exception" In *Legal Responses to International Terrorism – U.S. Procedural Aspects*, M. Cherif Bassiouni, ed. Nijhoff («Законодательный подход к исключению политического преступления»)
- Pyle, Christopher H. (1988). "The Political Offense Exception" In *Legal Responses to International Terrorism– U.S. Procedural Aspects*, M. Cherif Bassiouni, ed. Nijhoff («Исключение политического преступления»)
- Morgan, Edward M. (1988). "The Imagery and Meaning of Self-Determination." *New York University Journal of International Law and Politics*, vol. 20, pp. 355-359 («Образность и значение самоопределения»)
- Wilson, Heather (1988). *International Law and the Use of Force by National Liberation Movements*. Clarendon Press («Международное право и применение силы народно-освободительными движениями»)
- Chadwick, Elizabeth (1996). *Self-Determination, Terrorism, and the International Humanitarian Law of Armed Conflict*. The Hague: Martinus Nijhoff («Самоопределение, терроризм и международное гуманитарное право вооруженного конфликта»)
- Chadwick, Elizabeth (2011). "Post-World War 2 Exercises Self-Determination: 'Peaceful', 'Friendly', and 'Other'." In *Kosovo: A Precedent? The Declaration of Independence, the Advisory Opinion and Implications for Statehood, Self-Determination and Minority Rights*, James Summers, ed. Leiden: Brill. Pp. 213–247 («Мир после Второй мировой войны пробует самоопределение: «мирное», «дружелюбное» и «другое»).
- Fidler, David P. (2016). "[Cyberspace, Terrorism and International Law](#)." *Journal of Conflict and Security Law*, vol. 21, issue 3, pp. 475-493 («Киберпространство, терроризм и международное право»)
- Martinez, Luis Miguel Hinojosa (2008). "[The Legislative Role of the Security Council In Its Fight Against Terrorism: Legal, Political and Practical Limits](#)." *International & Comparative Law Quarterly*, vol. 57, issue 2, pp. 333-359 («Законодательная роль Совета безопасности в борьбе с терроризмом: правовые, политические и практические ограничения»)
- Branche, Raphaëlle (2007). "[Torture of terrorists? Use of torture in a 'war against terrorism': justifications, methods and effects: the case of France in Algeria, 1954–1962](#)." *International Review of the Red Cross*, vol. 89, no. 867 («Пытка террористов? Использование пыток в «войне против террористов»: обоснование, методы и результаты: пример Франции в Алжире, 1954-1962 гг.»)
- Campana, Aurélie, and Gérard Hervouet eds. (2013). *Terrorisme et Insurrection, Évolution des dynamiques conflictuelles et réponses des États*. Québec : Presses de l'Université du Québec
- Chaliand, Gérard, and Arnaud Blin eds. (2016). *Histoire du terrorisme : de l'Antiquité à Daech*. Paris: Pluriel
- La documentation française (2015). "Les nouveaux espaces du Jihadisme (Dossier)." In *Questions internationales*, no. 75, September-October.
- Trévidic, Marc (2013). *Terroristes: Les sept piliers de la déraison*. Paris: JC Lattès.

Террористическая виктимизация

Shapland, Joanna, and Matthew Hall (2007). "[What do we know about the effects of crime on victims?](#)" *International Review of Victimology*, vol. 14, no. 2 («Что мы знаем о влиянии преступления на жертв?»).

Argomaniz, Javier, and Orla Lynch eds. (2015). *International Perspectives on Terrorist Victimization: An Interdisciplinary Approach*. Basingstoke: Palgrave («Международные взгляды на террористическую виктимизацию»).

LaFree, Gary, and Joshua D. Freilich eds. (2017). *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. Hoboken: Wiley-Blackwell («Пособие по криминологии терроризма»).

Оценка учащихся

В данном разделе представлены предложения по заданиям для учащихся после занятия с целью оценки понимания ими модуля. Предложения по заданиям до и во время занятия представлены в разделе «Упражнения».

Вопросы для оценки

- Критически сравните прошлые и нынешние формы терроризма для того, чтобы выявить и оценить сходства и различия между ними.
- Существуют ли какие-либо реальные различия между «старыми» и «новыми» формами терроризма? Обсудите с примерами.
- «Нет никакой реальной разницы между преступными действиями или мотивами Аль-Каиды и ИГИЛ». Обсудите с примерами.
- Критически объясните некоторые причины, почему в настоящее время нет единого общепринятого определения терроризма. В свете своих выводов считаете ли Вы возможным достижение в ближайшее время соглашения по его определению? Критически изучите подход ООН к противодействию терроризму и угрозы, которые представляют определенные террористические группы, признанные в качестве таковых Советом безопасности в соответствии с Резолюцией СБ ООН 1267 (1999). Определите ключевые сильные и слабые стороны этого подхода и предложите каким образом, если это вообще возможно, можно улучшить этот подход.
- Критически объясните, какое влияние отсутствие международно принятого определения терроризма может оказать на надежность процедур определения лиц и групп в качестве террористов в рамках системы ООН в соответствии с Резолюцией СБ ООН 1267 (1999) или на национальном или многостороннем уровне (например, ЕС). Каким образом можно устранить или смягчить обеспокоенность в отношении прав, связанных с такими процедурами?
- Критически оцените различные виды жертв терроризма. Подумайте, преобладали ли в Вашем регионе какие-либо виды жертв, и если да, то почему.

Дополнительные учебные инструменты

В данном разделе приведены ссылки на соответствующие средства обучения, такие как слайды в формате PowerPoint, видеоматериалы, кейсы и другие ресурсы, которые могут помочь лектору обучать студентов по данному Модулю. Слайды и другие ресурсы могут быть адаптированы лектором.

Презентация в формате PowerPoint для Модуля 1

Доступна по ссылке

Есть ряд онлайн ресурсов, которые могут содержать детальную информацию по широкому спектру тем, связанных с терроризмом, включая текущие тенденции/угрозы, информацию по различным негосударственным террористическим группам, какие организации были внесены государствами в «черный список» в качестве запрещенных террористических групп и т.д. Здесь приведены некоторые примеры таких ресурсов.

- S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS) (2018). "[Counter Terrorism Trends and Analyses: Annual Threat Assessment](#)." *International Centre for Political Violence and Terrorism Research*, vol. 10, issue 1. («Тенденции в области противодействия терроризму: ежегодная оценка угроз»)
- Reliefweb (2017). [Global Terrorism Index 2017](#). 15 November. (Глобальный индекс терроризма)
- Terrorism Research, "Categories of Terrorist Groups". (Категории террористических групп)
- ADL, "[Al Qaeda](#)". (Last accessed 7 May 2018). (Аль-Кауда)
- US Department of State (2003). U.S. Executive Order 13224. Appendix C: Background Information on Terrorist Groups. For a current list, updated regularly, of terrorists and groups identified under E.O. 13224 see [Individuals and Entities Designated by the State Department Under E.O. 13224](#). (Административный указ США 13224. Приложение C: Информация по террористическим группам)
- Mapping Militant Organizations (2018). "[Riyadus-Salikhin Reconnaissance and Sabotage Brigade](#)." Stanford University. (Разведывательно-диверсионный батальон «Риядус-Салихин»)

Библиография

Книги/электронные книги

- Hudson, Manley O. ed. (1941). [*International Legislation: A Collection of the Texts of Multipartite International Instruments of General Interest*](#), vol. 7, no. 499. («Международное законодательство: сборник текстов многосторонних международных актов общего интереса»)
- Proudhon, P. J. (1840). [*What is Property? An Inquiry into the Principle of Right and of Government*](#). («Что такое собственность? Разъяснение принципа права и правительства»)
- Morozov, Nikolai (1880). "The Terrorist Struggle." Fully reprinted reprinted in *Violence in Politics. Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia*, Feliks Gross ed. The Hague and Paris: Mouton, 1972. («Террористическая борьба»)
- Thullen, George (1964). *Problems of the Trusteeship System: a Study of Political Behavior in the United Nations*. Librairie Droz. («Проблемы системы опеки: исследование политического поведения в ООН»)
- Walzer, Michael (1977). *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. Basic Books. («Справедливые и несправедливые войны: нравоучение с историческими иллюстрациями»)
- Wilson, Heather (1988). *International Law and the Use of Force by National Liberation Movements*. Clarendon Press. («Международное право и применение силы национальными освободительными движениями»)
- Whittaker, David (2001). *The Terrorism Reader*. London: Routledge. (Хрестоматия по терроризму)

Разделы в книгах

- Falk, Richard A. (1990). "Revolutionaries and Functionaries: The Dual Face of Terrorism." In Charles. W. Kegley, Jr., ed. *International Terrorism: Characteristics, Causes, Controls*, Charles. St. Martin's Press. («Революционеры и функционеры: двойственное лицо терроризма»)
- Hannay, William M. (1988). "The Legislative Approach to the Political Offense Exception." In M. Cherif Bassiouni ed. *Legal Responses to International Terrorism – U.S. Procedural Aspects*. Dordrecht: Nijhoff. («Законодательный подход к исключению политического преступления»)
- Lenin, Vladimir (first published 1914, republished 1972). "[The Right of Nations to Self-Determination](#)." In *Lenin's Collected Works, Vol 20*. Progress Publishers. («Право наций на самоопределение»)
- Pyle, Christopher H. (1988). "The Political Offense Exception." In M. Cherif Bassiouni ed. *Legal Responses to International Terrorism – U.S. Procedural Aspects*. Dordrecht: Nijhoff. («Исключение политических преступлений»)
- Schmid, Alex (2006). "Magnitudes and Focus of Terrorist Victimization." In Uwe Ewald and Ksenija Turković eds. *Large-Scale Victimization as a Potential Source of Terrorist Activities*. IOS Press. («Масштабы и основное внимание террористической виктимизации»)
- Šeparović, Zvonimir Paul (2006). "International Terrorism: Large-Scale Victimization' Terrorism." In Uwe Ewald and Ksenija Turković eds. *Large-Scale Victimization as a*

- Potential Source of Terrorist Activities*. IOS Press. («Международный терроризм: терроризм масштабной виктимизации»)
- Turković, Ksenija (2006). "What Victimology has to Offer in the Fight Against Terrorism." In Uwe Ewald and Ksenija Turković eds. *Large-Scale Victimisation as a Potential Source of Terrorist Activities*. IOS Press. («Что виктимология может предложить в борьбе с терроризмом»)
- Veatch, R. (1983, reprinted 2010). "Minorities and the League." In *The League of Nations in Retrospect: Proceedings of the Symposium*, United Nations Library, Geneva: Series E, Guides and studies 3. De Gruyter. («Меньшинства и Лига наций»)
- Zimmer, Kenyon (2009). "Propaganda by the Deed." In Immanuel Ness ed. *The International Encyclopaedia of Revolution and Protest*. Malden: Blackwell. («Пропаганда делом»)

Дела

[Дело C-402/05 P и C-415/05, P. Кади и Фонд Al Barakaat International против Совета и Комиссии \[2008\] ECR I-6351.](#)

Конвенции, хартии и договоры

[Атлантическая хартия](#). 14 августа 1941 г.

Конвенция о выдаче, принятая на седьмой Международной конференции американских государств. Сборник договоров Лиги наций, том. 165, стр. 45. Мондевидео, 26 декабря 1933 г.

Конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него. Лига наций, документ C.546.M.383.1937.V. Женева, 16 ноября 1937 г.

Исполнительный комитет Содружества независимых государств. [Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом](#). Минск, 4 июня 1999 г.

ООН. [Международная конвенция о борьбе с захватом заложников](#). Сборник договоров, том 1316, стр. 205, Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.

ООН. [Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом](#). Сборник договоров, том 2149, стр. 256, Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.

ООН. [Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма](#). Сборник договоров, том 2178, стр. 197.

Статьи и презентации в журналах/онлайн ресурсах

(2004). "[Illustration of David C. Rapoport's 'The Four Waves of Terrorism'](#)." (Иллюстрация «четырёх волн терроризма» Дэвида Рапопорта)

Chadwick, Elizabeth (1996). "[Terrorism and the law: Historical contexts, contemporary dilemmas, and the end\(s\) of democracy](#)." *Crime, Law and Social Changes*, том 26, issue 4, рстр. 329-350. («Терроризм и право: исторический контекст, современные дилеммы и конец демократии»)

Fidler, David C.P. (2016). "[Cyberspace, Terrorism and International Law](#)." *Journal of Conflict and Security Law*, том 21, issue. 3, рстр. 475-493. («Киберпространство, терроризм и международное право»)

Fleming, Marie (2008). "[Propaganda by the deed: Terrorism and anarchist theory in late nineteenth-century Europe](#)." *Terrorism*, том 4, issue 1-4, рстр. 1-23. («Пропаганда делом: терроризм и анархистская теория в Европе в конце 19-го века»)

- Friedlander, Robert A. (1976). "The Origins of International Terrorism: A Micro Legal-Historical Perspective." *Israel Yearbook on Human Rights*, том 6, стр. 49. («Происхождение международного терроризма: микроправовая и историческая перспектива»)
- LaFree, Gary, Nancy A. Morris and Laura Dugan (2010). "[Cross-national patterns of terrorism: comparing trajectories for total, attributed and fatal attacks, 1970 – 2006.](#)" *British Journal of Criminology*, том 50, no.4, стр. 622-649. («Трансграничные модели терроризма: сравнение траекторий общих, приписываемых и смертельных нападений, 1970-2006 годы»)
- Morgan, Edward M. (1988). "The Imagery and Meaning of Self-Determination." *New York University Journal of International Law and Politics*, том 20, стр. 355-359. («Образность и значение самоопределения»)
- Parker, Tom, and Nick Sitter (2016). "[The Four Horsemen of Terrorism: It's Not Waves, It's Strains.](#)" *Terrorism and Political Violence*, том 28, выпуск 2, стр. 197-216. («Четыре всадника терроризма: это не волны, это натяжения»)
- Wilson, Margaret A., Angela Scholes and Elizabeth Brocklehurst (2010). "[A behavioural analysis of terrorist action: the assassination and bombing campaigns of ETA between 1980 and 2007.](#)" *British Journal of Criminology*, том 50, №. 4, стр. 690-707. («Поведенческий анализ террористических действий: кампании убийств и бомбардировок ETA в период с 1980 по 2007 год»)

Материалы ООН

- [Устав Организации Объединенных Наций](#). Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.
- [Резолюция Совета безопасности ООН 1267 \(1999\)](#).
- [Резолюция Совета безопасности ООН 1373 \(2001\)](#).

Отчеты и замечания

- Fawcett, James (1979). "The International Protection of Minorities." *Minority Rights Group, Report No. 41*. («Международная защита меньшинств»)
- International Law Association, Use of Force Committee (2010). "[Final Report on the Meaning of Armed Conflict in International Law](#)." The Hague. («Итоговый отчет по значению термина «вооруженный конфликт» в современном праве»)
- O'Brien, Patricia (2012). "The Åland Island Solution: A precedent for successful international disputes settlement." Remarks made 17 January. («Решение по Аландским островам: прецедент для успешного разрешения международных споров»)

UNODC

United Nations Office on Drugs and Crime

Vienna International Centre, P.O. Box 500, 1400 Vienna, Austria
Tel.: (+43-1) 26060-0, Fax: (+43-1) 26060-3389, www.unodc.org

